

В. А. ОСИПОВ

УДК 911. 2

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ:
ОСОБЕННОСТИ СРЕДЫ
И ЦЕЛЕЙ ПРИНЯТИЯ
РЕШЕНИЙ**

АННОТАЦИЯ. Исследована социальная и естественная среда принятия управленческих решений в области природопользования, связь этих сред и особая роль культуры. Описаны особенности социальной среды в разных фазах этногенеза, исходные предпосылки и допустимые границы постановки целей. Делается вывод о тесной связи между управлением природопользованием и нравственностью этноса.

In the article is investigated the social and natural life environments of reach a decision in the nature management, the connection between social and natural life and special role of culture in interaction. There are describe the social environment particulars in different phases of ethnic life, pre-conditions and permissible limits for aims settings. The conclusion is draw about close connection between natural management and ethnic morality.

Природопользование можно определить как сложный универсальный социальный процесс преобразования природы в соответствии с целями развития общества. Следует акцентировать внимание на социальном характере и универсальности природопользования. Социальный характер определяется активной позицией общества во взаимодействии с природой, а универсальность — не только исключительной ролью природных ресурсов для жизни общества, но и сосредоточением в природе всей информации об окружающем мире.

Социальный характер природопользования предполагает, что это — управляемый, в ряде случаев — самоуправляемый процесс. Управление, в самом общем понимании, есть совокупность действий по достижению цели. Соответственно, выбор цели является исходным шагом, определяющим всю их дальнейшую последовательность: планирование, организацию, мотивацию и контроль. Выбор цели, таким образом, представляет собой наиболее ответственное решение, принятие которого должно базироваться на анализе исходной информации, включая информацию об объекте и внешней ему среде. В данной работе мы делаем попытку определить факторы, исходя из которых ставятся цели в области природопользования, и в первую очередь: какое влияние оказывают на принятие решения особенности субъекта и объекта управления, то есть того, кто управляет, и того, кем управляют.

Субъект управления природопользованием часто выделяется обезличенно — человек или общество в целом. Однако в любом управляющем органе существуют лица, принимающие решения, лица, трансформирующие их в команды (законы, приказы, инструкции), и лица, выполняющие эти команды. Как правило, это правительственные органы разных уровней. Объектом управления обычно называется природа или окружающая среда. Однако ни природа, ни среда не в состоянии реагировать на команды, а только на последствия выполнения этих команд. Ввиду этого, объектом управления природопользованием в первую очередь является не природа, а люди, исполнители принятых решений. Потому среда принятия решений состоит по крайней мере из двух слоев — социального и естественного.

Следовательно, связи субъекта и объекта опосредованы как "духом", менталитетом народа, его готовностью выполнять любые команды, так и ответной реакцией природы. Обратная связь способна менять характер принимаемых решений, но, если коммуникационные каналы не действуют, общество и среда его существования распадаются на три взаимно непонимающих друг друга блока, т. е. превращаются в то, что принято называть химерой. Природопользование — это нечто большее, чем простая эксплуатация природных ресурсов и решение экологических проблем. Еще И. Кант установил, что в природе действуют функциональные, а в обществе — корреляционные связи (автономия мотивации). Если люди способны адаптироваться к изменившимся условиям, менять "линию поведения", менталитет, то ответная реакция среды на нерациональные воздействия неизбежна, хотя и отдалена во времени.

В практическом, узком смысле целью природопользования является эксплуатация природных благ для производства необходимых обществу продуктов. Решение экологических проблем — не главная цель природопользования. Необходимость этого возникает лишь при наличии крупных ошибок при принятии решений и планировании деятельности вообще, а также в результате, так называемых, побочных эффектов рыночной экономики. Концепция человеческого действия была впервые создана немецким социологом М. Вебером и впоследствии развита Т. Парсонсом и другими представителями "чикагской школы". По М. Веберу, диапазон допустимых действий индивида, включая идеальное, заключен в четырехугольнике, образованном целерациональным, ценностнорациональным, аффективным и традиционным действием.

Целерациональное действие предельно рационально как по цели, так и по средствам достижения, даже если противоречит установившимся в обществе культурным нормам (ценностям). Рациональность ценностнорационального действия не выходит из их пределов. Аффективное действие иррационально, обусловлено эмоциями и не имеет четко осознанной цели. Традиционное действие полностью укладывается в нормативные предписания культуры, выступающие его фактической целью, представляет собой простое тиражирование ранее принятых образцов.

Классификация М. Вебера показывает, что основное противоречие в системе состоит между действием, принятым в рамках данной культуры и противоположным ей ("антикультура"). Но целерациональное действие не выходит за рамки допустимых в обществе действий именно в силу своей рациональности, его оправдывает благая цель, достижение общественного или индивидуального блага. Вследствие этого "антикультура", понимаемая в данном смысле, — ничто иное, как формирующаяся новая культура. Поня-

тие культуры, таким образом, является основным, но не однозначным. Культура — это то, что удерживает человеческое действие в допустимых границах. Но культура может быть и общечеловеческой, и национальной, этнической.

По З. Фрейду, культура — это все то, в чем человеческая жизнь возвысилась над своими биологическими обстоятельствами. Она выражает социальное содержание природы человека. В нее входят, во-первых, все накопленные людьми знания и умения, позволяющие овладеть силами природы, и, во-вторых, социальные институты, необходимые для упорядочения человеческих отношений. Однако культура внутренне противоречива, она не только благо, но и жертва, требуемая от людей и ощущаемая ими как гнетущий груз. "Создается впечатление, — писал Фрейд, — что культура есть нечто навязанное противящемуся большинству меньшинством, которое ухитрилось завладеть средствами власти и насилия" [1, с. 96].

Содержание культуры, а соответственно и ориентация человека, определяются системой существующих в ней ценностей и идеалов. Идеалы — это полностью или частично реализованные идеи, происходящие из самых сильных, древних, настойчивых желаний человечества, идущих, возможно, от биологических корней и инстинктов. З. Фрейд считал большинство идей иллюзиями (фикциями), как правило, недостижимыми вообще или при существующих средствах достижения.

По И. Канту [2], основой культуры и цивилизации вообще является морально-нравственный императив, то есть система ограничений природных страстей и инстинктов, определяющая автономию мотивации и реакции человека на внешние раздражители. Нравственный закон — явление внеэмпирическое — не возникает вследствие человеческого поведения, так как касается не того, что есть, а того, что должно быть, нормы. Знание закона присуще всем априорно и не обусловлено образованием или воспитанием. Оно происходит из разума, точнее "чистого разума". В этом смысле нравственный закон есть естественный, природный закон. При этом природа у Канта — это не только природа в естественном смысле, но "бытие вещи, определенное общим законом", включая взаимные обещания и общественные договоры. Позднее Шеллинг, следуя Канту, ввел понятие "второй природы" как необходимости гражданского правового законодательства.

То, что нравственный закон — идея, явление граничное, трансцендентальное, очевидно, поскольку реальное человеческое действие от него отличается, хотя психологически с ним связано через чувства, эмоции. Это хотя и непознаваемый, но вполне реальный объект, который, в полном соответствии с Т. Парсонсом, делатель может выделять, встраивать в собственную классификационную систему и оценивать с точки зрения положительных и отрицательных свойств. Критике И. Кант подвергся за принцип "долженствования", обязательности нравственного закона для всех людей. Главным его критиком был и остается Г. В. Ф. Гегель.

Гегель также считал непреложным существование внеэмпирических категорий (свобода, дух, бог и пр.), не поддающихся рефлекторному мышлению, но воспринимаемых не как конечные, а как бесконечные, принимающие форму всеобщих или объективных идей. Свободное существование идеи предполагает различие в ней субъективного и объективного, связанного тождественной всеобщностью. Различение идеи в ней самой предполагает, что для субъективной идеи объективная существует как преднайденный непосредственный мир, а следовательно, уверенность в тождестве этого мира с ней. Познание, по Гегелю, состоит в абсолютной вере разума в то, что он

в состоянии положить тождество и возвести свою уверенность в истину, снять противоположность. Последнее осуществляется двойко. Односторонность субъективной идеи разум пытается снять посредством принятия в себя сущего мира, наполнить абстрактную уверенность в себе признаваемой истинной объективностью или содержанием. Этот процесс — познание как таковое, теоретическая деятельность идеи. Вторая попытка состоит в стремлении разума снять односторонность объективного мира, определить его посредством внутреннего содержания субъективного, которое здесь признается истинно сущей объективностью. Второе стремление — "есть стремление добра к своему осуществлению — воля, практическая деятельность" [3, с. 410].

Однако познание конечно, поскольку субъективная идея ставит своей задачей определить преднайденный мир согласно своей цели. Тождество с объективной идеей при этом не достигается. Поэтому субъективные идеи неистинны (спекулятивны), но они благо, воление. Интеллект старается познать мир таким, как он есть, а воля стремиться к тому, чтобы сделать мир таким, каким он должен быть. Преднайденное не признается волей прочным бытием, а лишь видимостью, чем-то в себе ничтожным, поскольку если бы мир был таким, каким он должен быть, то отпала бы сама необходимость воли. Поэтому требование воли и состоит в том, чтобы ее цель не была реализована, то есть, по сути, она была бы конечна. Примирение заключается в возврате воли к предпосылке познания, в единство теоретической и практической идеи. Это единство — абсолютная идея, составляющая, вместе с тем, единство идеи жизни и идеи познания.

Итак, культура — все, что противоположно природе. Но общечеловеческая культура, исходящая из всеобщих категорий или нравственного закона, бесконечна, тогда как этническая культура, с лежащими в ее основе преднайденными субъективными идеями, конечна. Но именно она — основа бытия. Чистое бытие, по Гегелю, — нуль, ничто, в то время как наличное бытие — качество.

Чистое бытие — ничто, поскольку это чистая абстракция. Но оно ничто и потому, что есть чистая мысль, неопределенная простая непосредственность. В физическом смысле чистое бытие — нуль, поскольку это полная энтропия, неспособная на созидание. Чистое бытие — начало и конечная идея наличного бытия, нирвана. Наличное же бытие — нечто, то есть имеющее определенность или качество. Переход от начального бытия в наличное переводит систему в негэнтропийное состояние, делает ее способной совершать работу. Сам переход — явление логическое и энергетическое. Он начинается путем опосредования, отделения своего я от формы существования. Но для того, чтобы заставить совершить это и других, требуется энергия. Л. Н. Гумилев [4] определил последнюю как особую форму психофизической энергии — пассионарность.

Э. Фромм определил три фактора, выделившие человека из животного состояния: самосознание, разум и воображение. Человек, по его мнению, изгнан из своего дома — природы. Являясь частью природы и, одновременно, противопоставляя себя ей, он находится в состоянии постоянного и неизбежного неравновесия, что заставляет его стремиться к новым решениям. "Человек должен объяснить себе самого себя и смысл своего существования, он стремится преодолеть этот внутренний разрыв, он мучим желанием "абсолютности", той гармонии, которая снимет проклятье, разделившее его с природой, с другими людьми, с самим собой" [5, с. 159].

Самосознание определяет становление, воображение придает ему направленность, разум страхует от повторения ошибок. Становление — это

бунт человека. Он направлен как против природы вообще, так и природы человека в частности. Его объектом является, в первую очередь, вмещающий ландшафт, привычная среда существования, которая безжалостно перестраивается, как и существовавшая прежде система общественных отношений. Пассионарной энергии отдельных личностей для этого недостаточно, бунт не может быть бесцельным. Для того, чтобы "зарядить" его других (наведенная пассионарность), нужна идея, причем идея, представленная как благо, для реализации которой допустимы любые жертвы. Оба фактора обуславливают создание новой общественной структуры, зарождение этноса. Реальную же энергию для этого дает родная природа, приносимая в жертву идее [4].

Внешне представители нового этноса выглядят как "некультурные" люди, попирающие привычную этику, но фактически внутри этой группы происходит сложный процесс формирования новой культуры. Формируется двойная и тройная мораль, действующая избирательно в отношении различных социальных групп, а нравственный закон уходит в глубину сознания, перекрываясь идеологическими наслоениями. Если этнос состоялся, то это значит, что исходная идея была хотя бы частично реализована. Успехи, трансформированные в идеалы, дают основу для формирования новых традиций, навыков природопользования и пр., закрепляются в мировоззрении. Этот процесс, по Л. Н. Гумилеву, продолжается 600 лет, чего достаточно, чтобы убедиться в ложности идеалов, а они и не могут быть иными, поскольку субъективная идея по определению не может не быть спекулятивной. В фазе надлома старая структура этноса уничтожается, и далее он существует по инерции. Надлом — крайняя точка флуктуации, за которой совершается или распад этноса, или постепенный возврат к состоянию равновесия со средой.

З. Фрейд считал, что по мере развития культуры внешнее принуждение постепенно "уходит внутрь и особая психическая инстанция, человеческое сверх-Я, включает его в число своих заповедей" [1, с. 100], а личности, в которых оно произошло, делаются из противников культуры ее носителями. Данное явление Фрейд назвал интериоризацией. Интериоризация, по нашему мнению, дает ключ к пониманию процесса изменения отношения человека к природе, а также соотношения в нем природного и социального начал.

Согласно Л. Н. Гумилеву, именно работа по преобразованию среды создает структуру этноса. Дикая природа не создана для человека, воспринимается им как нечто враждебное, угрожающее его существованию. Совершаемый огромный труд по преобразованию среды рождает чувство успеха, человеческого самодовольства (нарциссизма, по З. Фрейду). Рождаются новый тип хозяйства, в котором со временем закрепляются (интериоризируются) положительные формы преобразования среды. Возникают традиции, обычай, страхующие их носителей от неоправданных затрат энергии или потерь, а природная среда очеловечивается, приобретает соответствующие обычаям и традициям народа черты.

В результате природопользование, в частных проявлениях, представляет собой особый этнокультурный тип хозяйства, мировоззрения и мироощущения. В период зарождения этнос крепчайшим образом привязывается к вмещающему ландшафту и сохраняет эту взаимосвязь до конца своего существования, доводит ее до совершенства. Ряд биологов склонны рассматривать этногенез как приспособительную реакцию человеческой популяции к окружающей среде, а этнос как базовую единицу, через которую реализу-

ется взаимодействие человека с природой. Согласно этой точке зрения, история людей и история природы взаимосвязаны и представляют собой части единого естественного процесса [6].

Природа, или внешняя среда принятия решений, обычно представляется инертной субстанцией, лишенной активного начала и неспособной на ответную реакцию в отношении применяемых к ней действий. Фактически же это самый сложный организм, понимание действия которого нами находится в зачаточном состоянии. Хотя автор не поддерживает теологическую точку зрения о существовании высшего начала, управляющего природой и людьми, существование самоуправления в природе не вызывает у него сомнений. Природа в целом и во множестве частных своих проявлений имеет цель, а именно: достижение равновесного состояния.

Равновесие — это упорядоченность, организация, качество. Благодаря ему мы можем наблюдать такие объекты и явления, как живые организмы, почвы, ландшафты, климат, и извлекать из них пользу для себя. Из-за стремления к равновесию природные объекты обладают устойчивостью, способностью воспроизводиться. Правило "десяти процентов", например, говорит, что мы можем изымать из трофической цепи до 10% биомассы, при этом система учтет "человеческий фактор" и будет функционировать в прежнем качестве. Другими словами, для природных объектов допустимы флуктуации в определенных пределах. Выход за них вызывает дезорганизацию, хаос. Но хаос в природе — временное явление, существенное для человека и его хозяйства. Для природы — это просто переход в новое равновесное состояние. Цветущая степь для нее также естественна, как и пустыня.

Природа не только стабильна, но и одновременно изменчива. Н. В. Тимофеев-Ресовский [7] выделил четыре уровня организации биосферы со специфическим характером эволюционных изменений. На молекулярно-генетическом происходит ковариантная редупликация, лежащая в основе всего эволюционного процесса. На онтогенетическом — изменения на уровне индивида. На популяционном — на уровне вида и, наконец, на биосферном (биогеоценологическом) происходит сложнейшее взаимоприспособление различных групп и видов друг к другу, формирование биогеоценологических равновесий. Все эти изменения свойственны и для *Homo sapiens*.

Уже два первых уровня позволяют связывать появление пассионариев, субпассионариев, гармоничных людей, то есть особей с разной энергетикой, не обязательно с космическими причинами, как предположил Л. Н. Гумилев. Два же последних имеют непосредственное отношение к социальной организации общества. Социальная организация в царстве животных — очевидный и точно установленный социобиологией факт, как и внутривидовое приспособление к вмещающему ландшафту, образование рас и популяций. Не исключено, что образование этносов относится именно к третьему, популяционному, уровню организации биосферы, тогда как политические (внутривидовые) и экологические (межвидовые) отношения — к четвертому. По сути, биогеоценологические (ландшафтные) отношения — тоже культура, если понимать под ней упорядоченность биосферных отношений на территории, вызванную стремлением к равновесию.

Если последнее предположение верно, то грань между природой и обществом весьма относительна. Существуют же определения естественного состояния общества. Ж. Ж. Руссо понимал его как самодостаточное, а гражданское общество — как приближение к естественному состоянию. На другом полюсе находится Т. Гоббс, понимавший естественное состояние обще-

ства как "войну всех против всех", имея в виду равные возможности захвата благ, включая природные [8]. Вероятно, оба варианта живут в подсознании большинства, определяя, с одной стороны, желания, стремления и, в итоге, цели, а с другой — сохраняя даже в предельных случаях элементы общественной структуры.

Предельные случаи достаточно распространены в виде персистентных или стабильных этносов. Л. Н. Гумилев определил их как конечную фазу развития этноса, прошедшего долгий путь исторического развития. Стабильные этносы (ханты, манси, ненцы, папуасы и др.) живут в равновесии с окружающей средой, "вписаны" в нее, образуют верхнее звено трофических цепей. Гармония достигается за счет интериоризации положительных образцов природопользования, отобранных за длительный период динамического развития, в результате чего необходимый объем благ извлекается при минимальных затратах энергии. Рациональное природопользование в таком обществе не просто норма, а первый закон, важнейшая черта образа жизни.

Гармония с природой, или этноценоз [9], не требует выделения субъекта управления как специальной надстройки в общественной структуре. Управление заменяется самоуправлением, т. е. управляющий субъект встроен в объект управления, и это возможно, поскольку управляет не он, а обычай и традиция. Функцией же субъекта управления является их поддержание. Возможности манипуляции общественным мнением и целерациональных действий, отклоняющих объект от равновесного состояния, сведены к минимуму, ввиду чего Л. Н. Гумилев считал, что персистентный этнос, при прочих равных условиях, способен существовать вечно.

Персистентное, или максимально приближенное к естественному, состояние общества, где человек обретает относительную свободу от внешней воли, — вот желанное равновесие ("золотой век", "коммунизм"), живущее в каждом человеке. Его фиктивность проявляется при контактах представителей разновозрастных этносов, поскольку персистентное — это заторможенное, неизбежно отсталое общество. Человек же руководствуется и другими желаниями, такими как уровень и качество жизни. Для представителей динамичных этносов они сильнее, чем гармония со средой, обуславливают ее трансформацию "под себя".

Уровень жизни, в самом общем виде, это простое количественное накопление материальных благ, часто превращающееся у энергоизбыточных индивидов в самоцель. Для остальных важно складывающееся в обществе мнение о жизненных стандартах, коих они разными путями стремятся достичь, хотя, возможно, вполне удовлетволялись бы и меньшим. Основным источником накоплений является рента, то есть доход, не требующий для получения предпринимательских усилий. Ренту же создает природа, а в современных условиях и научно-технический прогресс, точнее, временная монополия на изобретения. Присвоение ренты обусловлено или собственностью, или местом, занимаемым человеком в социальной иерархии. В ориентированном на уровень жизни обществе социальное содержание, то есть возможность манипуляции другими людьми через принуждение или формирование мнений, выходит на первый план. Так, Вильфредо Парето считал все известные идеологические концепции ложными (деривациями), имеющими цель замаскировать истинные мотивы поведения.

Стремление к уровню жизни далеко не гарантирует ее качества. Напротив, социальное и имущественное расслоение, постоянная борьба индивидов внутри и между стратами не обеспечивают даже такой минимальной

потребности, как безопасность. Природа рассматривается исключительно как средство обогащения. Распространена территориальная экспансия, когда объектом эксплуатации становится чужая природа, "дикая" с этноцентрических позиций и поэтому испытывающая двойной пресс. Но в фазе этнического надлома наступает момент обнажения спекулятивной сущности идеи, краха старых идеалов. Этнос оказывается беззащитным перед внешней средой, как природной, так и социальной. Вследствие уничтожения сложившейся этнической структуры люди утрачивают ориентацию, привычку действовать сообща, индивидуальное начало получает приоритет над коллективным, в политическом устройстве патернализм уступает место гражданскому обществу. Последнее же не может строиться иначе, как на нормативной этике И. Канта — естественной защите и против "ближнего" — и природной среды.

Качество жизни как общественный приоритет выходит на первый план при достаточной зрелости общества. Если в начальные фазы этногенеза (подъем и акматическую) каждая выдающаяся личность, пришедшая к власти, стремится изменить закон согласно своим представлениям о благе, то в инерционной фазе, согласно Л. Н. Гумилеву, уже закон определяет диапазон возможных действий личности, целерациональные действия подавляются ценностнорациональными. На фоне роста общественного богатства, которое раньше растрачивалось, формируются новые идеалы, преимущественно в сфере культуры, обуславливающие ее расцвет. Возникает новый тип этнического нарциссизма. Территориальная экспансия приобретает уже не военный, а культурный характер. Наконец, общество перестает нуждаться и в формальных, "писанных" законах. Оказывается, что вполне достаточно неписанных норм, живущих в каждом человеке, трансформированных соответственно со средой обитания этноса, того образа жизни, который сформировался в умах предыдущих поколений. Идея достигает своего определения.

Таким образом, в начальной фазе этногенеза, когда главенствует субъективная идея, закономерно совершаются антиприродные действия, направленные не столько против природы, сколько против сложившегося образа жизни с целью вывести из равновесия социальную систему. Среда существования намеренно представляется дикой и отсталой, и господствует тезис о необходимости ее преобразования. В дальнейшем доминанта общественного сознания перемещается в сугубо социальную сферу, когда и природа, и люди страдают от борьбы враждующих группировок. Установление социального мира выводит вопросы природопользования на первый план, поскольку именно природа и создаваемая ею рента являются основой растущего благополучия. По мере появления иных источников благосостояния, меняется и отношение к природе. Важное значение приобретает эстетическое отношение к окружающему миру, которое, как самостоятельную область человеческой активности, впервые вычленил И. Кант. Особенностью эстетически приятного, по Канту, является "незаинтересованное приятное", то есть находящееся вне практических интересов, в том числе интересов в практическом использовании или обладании. Приятное, включая приятное в природе, мыслится как целесообразное, причем эта целесообразность без цели — цели познающего субъекта — вызывает у него желание строить жизнь по целесообразным образцам.

Другими словами, развитие отдельного региона мира совершается по спирали, и каждый виток спирали — это цикл этногенеза, перестраивающий природные ландшафты. Регион, как качественная непосредственная определенность природы, вмещает в себя и этносы, трансформирующие его в соответствии с собственными эстетическими представлениями. Соответ-

ственно, в более широком плане, целью природопользования является трансформация среды обитания в направлении, принимаемом большинством членов общества за эталон или идеал. Именно во взаимодействии с природой формируется нравственность, дух народа, где генетически, на уровне мироощущения, заложены представления о рациональном природопользовании. Управленческие решения, соответствующие им, оцениваются как нравственные, противоречащие — как безнравственные.

Природопользование отражает особую, надсоциальную форму движения (уровень организации) материи, объединяющую отдельные элементы природы вообще, Вселенной, одним из которых является человек, наделенный нарциссизмом, сохраняющую между ними состояние равновесия. Идея рационального природопользования уже получила свое обоснование как идея ноосферного и ноосистемного мышления (Э. Леруа, Т. де Шарден, В. И. Вернадский) и географической формы движения материи [10]. Последняя имеет в своей основе хронологическую концепцию, или идею "пространств", объединяющих в одно целое природу региона и населяющий его народ, центральную в классической немецкой географии.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов:

1. Все социальные процессы так или иначе связаны с природными, являются отражением их, точнее, основополагающих всеобщих, объективных идей, в основе которых лежат непознанные позитивным ("чистым") разумом, но воспринимаемые подсознанием законы. Социальные идеи конечны, поскольку спекулятивны по определению. Их приоритет возможен лишь в определенных фазах этногенеза, причем навязывается он искусственно, с целью вывести социальную систему из равновесия. При этом формируется новый тип природопользования, впоследствии совершенствующийся до предельной рациональности.

2. Природная среда региона детерминирует мироощущение и значительно влияет на мировоззрение людей. Решения субъекта управления социальной средой оцениваются как естественные и неестественные, те есть как отвечающие или не отвечающие "нормальному" развитию событий. Для того, чтобы "ненормальные" при обычных условиях решения приобрели статус нормальных, необходимо сильнейшее напряжение социальной системы, которое возможно через постановку цели, преследующей такое благо, достижение которого оправдывало бы средства.

3. Доминирование субъективной идеи означает раскол в сознании, человек и общество начинают удовлетворять одни желания за счет других, равновесное состояние приходит в неравновесное. В период этнического подъема подобная "антикультура" рождает новую культуру, в надломе же образуется химера, видимость управления, национального единства, питательная среда для формирования негативного мироощущения. Доверие между субъектом и объектом управления сменяется взаимным недоверием.

4. Намерение и следствие играют особую роль в этике и управлении. Намерение, превращенное в действие, ведет к бесконечным следствиям. Гегель считал, что индивид отвечает за свое действие лишь постольку, поскольку оно было им задумано и поскольку его следствия могут быть предвиденными. Отсюда вытекает особая роль информации о последствиях принимаемых решений. Нравственный человек стремится получить эту информацию, безнравственный — сослаться на незнание. Природопользование является индикатором, лакмусовой бумагой проверки нравственности решений. Если решение направлено против природы, то в первую очередь оно направлено против человека, сложившегося образа его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 94-142.
2. Кант И. Критика чистого разума // Соч. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799с.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 452 с.
4. Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
5. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 143-221.
6. Тюрюканов А. Н., Федоров В. М. Н. В. Тимофеев-Ресовский: биосферные раздумья. М.: Изд.-во РАЕН, 1996. 368 с.
7. Тимофеев-Ресовский Н. В. Уровни организации жизни на Земле и среда протекания эволюционных процессов // Тюрюканов А. Н., Федоров В. М. Н. В. Тимофеев-Ресовский: биосферные раздумья. М.: Изд.-во РАЕН, 1996. С. 193-201.
8. Нарский И. С. Западноевропейская философия XVII века. М.: Высшая школа, 1974. 379 с.
9. Чистобаев А. И., Хрущев С. А., Громова Ю. В. Л. Н. Гумилев и этноценозы Российского Севера // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 7. Геология, география. 1994. Вып. 2 (№ 14). С. 40-46.
10. Ишмуратов Б. М. Региональные системы производительных сил. М.: Наука, 1979. 237 с.

В. А. ДОБРЯКОВА

УДК 911.3

**КЛАССИФИКАЦИЯ
РАЙОНОВ ЮГА
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО ОСТРОТЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ**

АННОТАЦИЯ. В статье дана классификация административных районов юга Тюменской области по набору показателей, характеризующих демографическую ситуацию. Классификация выполнена методами кластерного анализа (полной связи, одиночной связи, средней связи).

In the article classification of administrative areas of the south of Tumen Region on a set of parameters, describing demography situation, is given. The classification is executed by methods cluster analysis (complete connection, single connection, average connection).

Задача классификации территории юга области по остроте демографической ситуации решалась последовательно в несколько этапов. На первом